Битва За ИСТОРИЮ

РАЗНИЦА отмечаемых у нас и в Европе дат Победы невелика: 9 и 8 мая. Разность числа жертв и героев и, соответственно, разница жертвенности и героизма — неизмерима. Каждая евростарана обзавелась "Справкой об участии в движении Сопротивления". С 2006 г. в переизданиях книги "Вторая мировая. Перезагрузка" я напоминал: объективно, по сумме нанесённого Гитлеру урона, самое сильное движение Сопротивления было в… Германии! (подсчитано в Нюрнберге, есть в показаниях Геринга). Самих героев Сопротивления это, разумеется, не задевает, но объясняет разницу поведения политиков стран, уже лет тридцать косящихся на наши Парады Победы: "Ну сколько можно! Вот мы… Смотрим вперёд… А в Москве…"

Столь же громадно разнится и выбор, о ком можно написать 8 или 9 мая. Например, если считать героев-военачальников, одна семья сельского учителя Ильи Устиновича Лизюкова на Гомельщине даст больший выбор, чем восемь-девять евро-стран.

В начале XX века родились три брата: Александр, Евгений и Пётр… За таким сказочным зачином обычно следует: три брата, три разных судьбы, но… Вторая мировая война нарушила "былинное течение", и судьбы сыновей сельского учителя оказались схожи: все трое стали военачальниками, все погибли на войне.

Пётр Ильич, командир 46-й истребительно-противотанковой бригады, погиб в 1945 г. Евгений Ильич, командир крупного партизанского отряда, погиб в 1944 г., в уже освобождаемой Белоруссии.

Громкой была и остаётся смерть Александра Ильича: командир 5-й танковой армии погиб прямо на броне своего танка КВ в самый тяжёлый момент лета 1942 г. Редчайший случай — гибель командарма в ближнем, почти рукопашном, бою!

Александр Ильич, по мнению нашего военного гения, маршала Рокоссовского, "вырастал" в лучшего советского такового командарма. 24 июня 1941 г. полковник А. И. Лизюков, замкомандира 17-го механизированного корпуса, отличился на трагически знаменитой Соловьёвской переправе. В Смоленском сражении его сводный отряд успешно оборонял жизненно важные для окружённых 16-й и 20-й армий переправы через Днепр и Березину. 5 августа 1941 г. "за образцовое выполнение боевых заданий… проявленные при этом отвагу и геройство" полковнику Лизюкову Александру Ильичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с Лизюковым в обороне переправ принимал участие его 16-летний сын Юрий, который был удостоен медали "За отвагу".

Во время Сумско-Харьковской оборонительной операции А. И. Лизюков, командуя 1-й гвардейской мотострелковой дивизией, разбил 25-ю немецкую дивизию в Штеповке, взяв большие трофеи. Этот "неприятнейший момент" попал и в мемуары Гудериана. В Московской битве 1-я гвардейская мотострелковая дивизия Лизюкова прикрывала Наро-Фоминское направление. В январе 1942 г. генерал-майор Лизюков, командуя 2-м гвардейским корпусом, участвовал в первом крупном окружении немцев под Демянском.

Так, получая награды и всё более крупные части под командование, генерал Лизюков дошёл до высшей трагической точки своего военного пути.

Под Воронежем именно его армии приказали "парировать" тот страшный удар немцев, который из-за харьковско-барвенковского краха довёл войну до Сталинграда.

Маршал М. Е. Катуков, "На острие главного удара": "Лизюков благополучно выбрался из танка, но не успел ступить и шага, как рядом разорвался снаряд… Тело Лизюкова с разбитой головой, в комбинезоне и простых сапогах (другой одежды он не признавал), было доставлено в тыл. С болью в сердце похоронили мы отважного генерала на кладбище близ села Сухая Верейка".

Маршал Рокоссовский: "Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Чувствовал себя уверенно в самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые возникали на ответственных участках, где приходилось действовать. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать — на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину "мешка" в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд… Он двигался в боевых порядках одного из своих соединений. Чтобы воодушевить танкистов, генерал бросился на своём танке КВ вперед, ворвался в расположение противника и там сложил голову. Мне было искренне жаль его".

В село буквально через полчаса после гибели командарма вошли немцы — потому захоронение было временным. Уцелевшие из его окружения два солдата успели только (железное правило периода отступлений) снять все знаки, по которым немцы могли бы догадаться о гибели командующего 5-й танковой армии.

Поисковики воронежской региональной организации "Дон" Александра Курьянова смогли найти у села Лебяжьего братскую могилу времён Великой Отечественной войны. Сюжет прошел по телеканалам. НТВ сняло фильм (2009) о поиске останков Лизюкова. Для сравнения образца ДНК, взятого на месте предполагаемого захоронения генерала, с ДНК родственника был приглашён внучатый племянник А. И. Лизюкова — Иван Николаевич Афанасьев.

Иван продолжил линию прадеда Ильи Лизюкова: учитель, завкафедрой русской и мировой литературы Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины. На примере общей Победы он готовит новые поколения защитников братских государств. При поддержке знаменитого советского предприятия "Гомсельмаш" организовал, провёл Международную научную конференцию "Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор". Выступили, прислали доклады: Н. С. Михалков, В. Н. Ганичев, Л. А. Аннинский, Ю. В. Бондарев, В. Я. Курбатов, А. М. Турков, Ю. Ю. Шевчук (рок-группа "ДДТ").

Мне довелось выступить на той конференции, пройти с Иваном по музею военной техники, сфотографироваться возле Т-72, вздохнув: "Эх, командарму Лизюкову бы такой танк…"

Игорь ШУМЕЙКО

Книга Игоря ШУМЕЙКО "10 мифов об Украине".
Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

Владимир БУШИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАРАДЕ

Иду на торжество

ВИДНО, где-то медведь сдох: меня пригласили на парад Победы 9 мая на Красной площади. Ещё 15 февраля на съезде писателей после моего краткого выступления в перерыве ко мне подошёл молодой человек, представился сотрудником Администрации президента и спросил, был ли я когда на параде. Нет, я много раз со школьных лет проходил по Красной площади в рядах демонстрации, но на парадах не бывал. Молодой человек сказал, что пришлёт мне два билета. И прислал.

Что ж, если так, то непременно пойду. Возьму с собой красный флаг и два портрета. Один буду держать на виду, чтобы все видели, может, и телевидение покажет. Второй брошу к подножию мавзолея, как тогда 24 июня 1945 года на том первом великом Параде, которым командовал маршал Рокоссовский, а принимал маршал Жуков…

Если удастся, прорвусь сквозь "заграду" на трибуну мавзолея и с неё прочитаю, насколько хватит голоса, стихотворение "День Победы", которое было написано в майские дни 1945 года в Кёнигсберге:

Если было б судьбой суждено мне
Жить на свете до тысячи лет,
Этот День и тогда бы я помнил —
Его образ, и голос, и цвет.
Сколько разного в Дне том смешалось…
Отстояли свободу и честь!..
Тут и гордость, и радость, и жалость,
И салюта победная весть,
И сердечное краткое слово
Поздравленья отцом сыновей —
В этот День мы услышали снова,
Дети разных земель и кровей.
Это слово не часто звучало,
Но всегда укрепляло сердца.
С ним прошли мы войну от начала
До Победного Дня, до конца.

Тут разного рода начальники, надо думать, бросятся к мавзолею, чтобы стащить меня с трибуны и отправить в кутузку, но моя верная жена Татьяна преградит ему путь с плакатом "Лапы прочь от Мавзолея!" в одной руке и с вилами в другой. А я начну читать стихотворение "Смерть маршала Жукова":

— Спокойно спи, суровый маршал, —
Я прошептал издалека,
Когда пред ним в прощальном марше,
Чеканя шаг, пошли войска.
Парад последний принимал он,
Как встарь, у стен седых Кремля,
И шапки медленно снимала
Вся наша скорбная земля.
То был парад сынов и внуков
Солдат минувших грозных лет,
Которых он, Георгий Жуков,
Водил под стягами побед.
Для битв великих был он скроен
И в стане вражьем сеял страх…
Шли батальоны чётким строем,
Держа равнение на прах.
Но вот, печальный и красивый,
Прошёл последним старшина,
И вдруг с небес над всей Россией
Распространилась тишина.
И я увидел вещим оком,
Что нам дают иные дни,
Как за живыми вслед потоком
На площадь хлынули ОНИ.
ОНИ, что пали под Москвою,
Чьей жизнью выжил Ленинград,
Как будто их водой живою
Подняли нынче на парад.
О ком по всей стране рыдали
И кем гордиться ей века —
Тут сталинградцы шли рядами,
Под Курском павшие войска…
Один в тулупчике, в ушанке,
Другой — в пилотке, босиком,
Кто почернел в сожжённом танке,
Кто бел лицом, как снежный ком.
И те пришли из крайней дали,
Кто брал Берлин и сам Рейхстаг,
Кого уже с победой ждали,
Да не учли один пустяк…
От генерала до солдата —
Все перед ним текли рекой.
Из них он многих в бой когда-то
Послал державною рукой.
И он порой при этом ведал,
Что не вернуться им назад,
Что не видать им дня Победы,
Как не цветёт зимою сад.
Таков войны закон суровый.
И всё ж, им посланные в бой,
Они бы и теперь готовы
В бою прикрыть его собой.
И здесь, в его последней Ставке,
Хоть у стены стоял портрет,
Не старца видели в отставке,
А полководца в цвете лет.
…И вот уж прах замуровали,
И дело шло к исходу дня,
А тени всё маршировали,
Молчанье скорбное храня.
И уж закончили мы тризну,
И ночь сошла на ширь земли,
А те, кто пали за Отчизну,
Всё шли да шли, всё шли да шли…

А что начальники? Они не будут терять времени даром, а вызовут наряд Росгвардии и прикажут интернировать внепланового оратора. Но тут очнутся сидящие на трибунах ветераны, зашевелятся, поднимутся, кто-то крикнет "не сметь!" А я подойду к правительственной трибуне и скажу вот что… Мне помнится один из последних перед войной парадов: или 7 ноября 1940-го, или 1 мая 1941-го. Тогда у нас уже были созданы некоторые виды вооружения, подобного которому не имела ни одна армия мира: танк Т-34, реактивный миномёт "Катюша", самолёт-штурмовик Ил-2. Да, были. Но ни один из этих прославившихся в войне видов оружия не принимал участия в параде. Мы не хвастались ими, а, наоборот, держали в секрете. Тем больший боевой эффект на грани ужаса немцев они произвели своим неожиданным появлением на фронте.

А что мы видим теперь? Начиная с недавнего послания президента нам то и дело показывают образцы нового оружия и объясняют, каковы их боевые качества: "Сармат" может поразить врага через Северный полюс, через Южный полюс, а "Кинжал" достанет врага на земле, на воде, под водой и в воздухе…" Сперва всё это нам показывали в виде "мультяшек", а за несколько дней до парада стали ежедневно по нескольку раз в день показывать многие образцы этого новейшего оружия на улицах Москвы во время репетиций парада. И опять: этот агрегат может так, а этот эдак, тут столько килограммов, а здесь — столько… Что, никакой военной тайны теперь не существует? "Прозрачность" во всём? И фактор новизны, неизвестности оружия для противника, фактор неожиданности, внезапности его применения никакого значения не имеет? И зачем вообще без конца бряцать оружием? С одной стороны, такая похвальба вызывает подозрение: да есть ли у нас такое оружие в необходимом для обороны огромной страны виде и количестве? С другой, такое бряцание то ли реальным, то ли виртуальным оружием ведь никому из ваших коллег и партнёров в Европе и за океаном не нравится, а нормализации-то отношений надо как-то искать.

Едва ли мне что-нибудь ответят. Тогда я снова поднимусь на трибуну мавзолея и прочитаю ещё и это:

Зарыли его у Кремля
Без почестей, ночью, украдкой.
И пухом не стала земля,
И сон его вечный не сладкий.
Но в мае, в тот день торжества,
Что в сердце храним мы особо,
Лишь в полночь затихнет Москва,
Встаёт император из гроба.
И видит он нынешний мир,
В котором России так тяжко…
На нём всем знакомый мундир
И с красной звездою фуражка.
Идёт… Перед ним Мавзолей.
В ту чёрную осень отсюда
Шеренгам своих сыновей
Дал веру он в грозное чудо.
Сюда в 45-м году
Победа на крыльях явилась…
За это на Страшном Суду
Ему бы немало простилось.
Страну озирая кругом,
Он ищет надежды и смысла…
Вдруг видит: над звёздным Кремлём
Трёхцветная тряпка повисла.
— Да как это терпит народ?
И что с моей Родиной стало? —
Он маршалов грозно зовёт,
Зовёт молодых генералов.
Но те, кто был славен в бою,
Его уж не слышат в могиле,
А те, что сейчас, — изменили
И продали шпагу свою.
Тогда он спросил тишину:
— Где Яков, мой сын? Где Василий?
— Расстрелян был Яков в плену,
А младшего здесь затравили…
Тогда, современник, к тебе,
Как встарь, обращает он слово:
— Неужто ты сдался судьбе?
Когда ты поднимешься снова?!..
И ходит он взад и вперёд,
Ответа от нас ожидая.
Но тихо. Безмолвен народ
И в ночь на Девятое мая.
На Спасской пробили часы,
Восток оживился, алея…
Платком вытирая усы,
Спускается он с мавзолея…

Поздравляем нашего верного, надёжного друга, несгибаемого бойца, почитаемого автора, участника Великой Отечественной войны Владимира Бушина с Днём Победы! Любим, преклоняемся, благодарим, дорогой наш Владимир Сергеевич. Здоровья вам и счастья.

Лаврентий ГУРДЖИЕВ

БОГОСЛУЖЕНИЕ ПОБЕДЫ

Вести из Грузии

НА МОЁМ СТОЛЕ — россыпь чёрно-белых и цветных фотографий, посвящённых празднованию Дня Победы в различные годы, в различных местах советского и постсоветского пространства. Профессиональные. Любительские. В основном чужие. Не устаю раскладывать и пересматривать эти неодушевлённые обрывки исторической памяти, которые без ложного пафоса можно считать доказательными "фантомами" парящей народной души.

Марширующие "коробки" офицеров и курсантов в Москве, в других городах, ряды бронетехники, кумач транспарантов и медь оркестров, постаревшие ветераны с орденскими "иконостасами" на груди… Да и сами эти снимки суть неформальный иконостас, перед образа́ми коего мысленно творишь литургию воспоминаний и причащения к великой русской, советской Победе, полной метафизических таинств и пронзительной материальной ясности.

…Грузия, автономная республика Аджария. Некогда процветавшее, а ныне пришедшее в упадок село Цониариси в приграничном с Турцией Кедском районе. На постаменте самоходка СУ-100. Обычное дело, скажете, привычный памятник героям Великой Отечественной войны. Нет. Он появился здесь, когда Грузия впала в период зоологического антикоммунизма, а её пигмеи-правители принялись злобно выгрызать всё советское. Презрев либерастическую ориентацию официального Тбилиси, сельчане горного аджарского села раздобыли боевую машину, хранившуюся на каком-то складе, водрузили её на постамент и сделали знакомую бесхитростную надпись: "Никто не забыт, ничто не забыто". Рядом — текст телеграммы И. В. Сталина от 18 апреля 1943 года: "Благодарю Вас, товарищ Беридзе! Прошу принять от меня и от Красной армии наше спасибо!".

Джемал Беридзе уже ушёл из жизни. Долгие годы он был председателем местного колхоза. Во время войны передал в фонд обороны личные сбережения, на которые была куплена самоходная артиллерийская установка. В благородном поступке он был, разумеется, не одинок. Тысячи трудовых коллективов и отдельных советских граждан помогали фронту денежными пожертвованиями. Однако здесь просматривается уникальность факта. Не только из-за смелого вызова, брошенного врагам Победы нашими современниками и единомышленниками из аджарской деревни. Боевой путь самоходки неизвестен. Но так истово верится, что это именно она вернулась с войны, дабы застыть на родине своего крёстного отца могучим признаком нерушимого единства советского народа! До тех пор, пока жив хоть один человек, ощущающий себя частицей этой исторической общности, жива и советская страна — суждённый фатум человечества. До поры до времени — как идея, как отблеск Победы, как отзвук чеканного марша красноармейцев…

Сталин и будущее — о чём это вы? — удивится кое-кто. Напомню провидческое: "Сталин ушёл не в прошлое, он растворился в будущем". Так на смерть вождя отозвался писатель, участник французского Сопротивления Пьер Куртад. Эти слова ошибочно приписывают Шарлю де Голлю, который, безусловно, уважал Сталина, но не является автором цитаты.

Ещё раньше писатель-фронтовик Виталий Закруткин привёл в своих "Кавказских записках" выдержку из книги отзывов Дома-музея Сталина в Гори, оставленную в 1942 г. безымянным русским солдатом. После лечения в местном госпитале, возвращаясь на фронт, он зашёл в музей и написал: "С порога этого дома видно наше будущее". Ещё не наступил триумф под Сталинградом, ещё фашисты рвались вглубь страны, а солдат верил в неминуемое светлое завтра, осенённое именем Верховного главнокомандующего.

9 мая в Гори по личной инициативе либо в качестве представителей общественных организаций съехались сотни людей. В других населённых пунктах республики тоже состоялись собрания и митинги. Но где, как ни на родине Сталина, хочется отпраздновать День Победы?! Несмотря на запрет советской и коммунистической символики, введённый властями Грузии по примеру одиозных режимов, над демонстрацией плыли красные знамёна, пятиконечные звёзды, серп и молот, герб СССР, герб Грузинской ССР, другие ненавистные для "демократчины" эмблемы. Церковных хоругвей я не заметил. Но всё равно это было единосущное богослужение Победы. Ибо она и есть всеобъемлющее, на чьих плечах зиждется небесный купол, оберегающий и сплачивающий многонациональное земное царство её наследников.

Наиболее активными участниками шествия были горийцы, весёлые, улыбчивые и, одновременно, кипевшие праведным гневом. Разве могут они забыть, как подло, по-воровски июньской ночью 2010 года город окружили войска, а центральные кварталы оцепила полиция. Началась операция властей по сносу памятника Сталину — на тот момент единственному от Чукотки до Бреста уцелевшему полноразмерному монументу вождя. Проснувшиеся горожане устремились на его защиту, но многотысячное "кодло" вооружённых правоохранителей было сильнее. Я разговаривал с одним из тех, кто пытался отстоять памятник. Результатом стала его месячная отсидка в грузинской "охранке", сопровождаемая допросами с пристрастием.

Демонстрация двигалась от Дома-музея Сталина, где состоялся митинг, к мэрии на центральной площади. Колонну замыкала старушка с полиэтиленовым пакетом в одной руке и алым стягом в другой. Зрелые мужчины и женщины, задорная молодёжь "топали", естественно, быстрее и бодрее, отчего старушка плелась за ними, всё больше отставая.

Идти надо было, в общем-то, недалеко, но сердце обуяло несбыточное, ноющее желание усадить старушку в лимузин класса люкс (или в ту самую гусеничную самоходку, а ещё лучше — в танк "Армату"). Это согбенное от тягот жизни, но краснознамённое, одиночество было достойно въехать на площадь под бурные аплодисменты собравшихся там людей. Славных, честных, преданных антифашистским идеалам людей, которые, однако, в порыве уважения к тем, кто добыл Победу и ярости к тем, кто её предал, могут "не заметить потери бойца". Старушка же была именно бойцом, хворым, уставшим, но при этом непреклонным. Когда я спросил её, почему после митинга она не пошла домой, ответила, переводя дух и немного невпопад: "Из Зестафони я приехала". Смущённо улыбнулась и продолжила свой персональный путь к празднику, который всегда с ней, и до которого было так далеко в трагическом 1941-м, когда она родилась.

Величайшая в истории военно-политическая виктория, оболганная и, казалось бы, навечно утерянная, уже вернулась в Россию и однажды восторжествует повсеместно. Посмотрите, кто реально принимает эстафету советских победителей в антисоветских краях.

На горийскую площадь вышли мама с красным флагом в руках, её дочь и сын в пионерских галстуках. Давно нет в Грузии пионерии. Но в этой семье она есть — малочисленная, зато своя, фамильная, беззаветная… Ещё раз взгляните на источающую радость и оптимизм молодую мать, на красивую юную "поросль", в чьих глазах светятся ум и чистота. Я мог бы рассказать об этой семье подробнее, но лучше один раз её увидеть, чем сто раз о ней услышать. Банальная истина. Впрочем, есть ещё банальнее. Например, "семья — ячейка общества".

Дополню стереотипное суждение. "Ячейка" бывает "с гнильцой", как, собственно, и общество в целом. Тем не менее, даже в изуродованной постсоветским лихолетьем стране обнаруживаются восхитительные "первокирпичики" социального мироздания. Его черты проявляются медленно, но верно — словно при проявке гигантской фотоплёнки и печатании кадров столь же гигантского бытия. В череде будней и праздников конкретной семьи отразились: высокая степень общественной активности, нежелание "низов" жить по расчеловечивающим рыночным законам, неспособность "верхов" управлять, разработав предварительно новое, прорывное и духоподъёмное жизнеустройство. Всё это на фоне более чем скромного достатка. Чем не революционная ситуация на уровне, повторяю, отдельно взятой семьи? Будет "качество" подкреплено "количеством" — воплотятся в жизнь мечты, ради которых дрались и победили наши предки.

Поэтому на фотографии матери, пришедшей с детьми отметить День Победы, запечатлена не просто "ячейка общества", а боевой расчёт эффективного оружия. Оно заряжено многими чувствами, главное из которых — надежда. Оно означает, что Бессмертному полку, шествующему сегодня по городам и весям необъятной Родины, придана самая лучшая в мире "нравственно-этическая артиллерия". Её канонада подобно песнопениям виртуальной литургии чудилась мне, когда я за письменным столом перебирал прямоугольники заурядной фотобумаги, искрящейся незаурядным, высшим вдохновением.

Фото автора

Екатерина ГЛУШИК

БЕССМЕРТНЫЙ

Рассказ

АННА СМОТРЕЛА ТЕЛЕВИЗОР. Дел по небольшому хозяйству было полно, но она всё отложила, уселась на лавку. Час за часом всматривалась в экран, надеясь, что увидит. Ведь обещал Колька, бывший жених дочери, навещающий её, Анну, что пройдёт с фотографией Якима по Красной площади.

Вот пошла бы Нинушка за Кольку, да и жила бы сейчас рядышком, в 10 километрах. Сама Анна виновата: хотела детей поднять, чтобы как у людей, чтобы Яким видел — она слово сдержала. Уходил, наказал ли, попросил ли: "Ну, Анна, я пошёл. А дети наши… Да ты и сама знаешь, как быть-управляться. Я вернусь. Но наказ скажу: чтобы дети наши… Чтобы — и сами, и перед людьми не стыдно".

Ткнулись как-то неуклюже носами друг в друга: обнялись — не обнялись, поцеловались — не поцеловались… Тут его родители обхватили, мать исчмокала всего, последыша, любимого, ласкового. Отец суровато растерянно наставлял: "Сынок, в роду у нас ни трусов, ни подлецов не было. Да. Такое вот дело. За жену, детей не беспокойся. Они — за нами. Мы — за ними. Не пропадём. Ты, главное…" — и замолк. Что тут главное? И говорить не надо.

Родители до ворот проводили, стояли, опершись на палки — всяк на свою. Немолодые, изработавшиеся. Анна с Нинушкой на руках — за мужем, до сельсовета. Макарка за отцову штанину ухватился и всю дорогу ревел, никак успокоить не могли. На сердце саднило: что так ребёнок плачет! Ведь и не баловень, уж сам гусей пасёт, люльку качает, отцу и цыкать не надо, только посмотрит со значением. А тут и прикрикивали на сынишку, и оплеуху обещали, а он только пуще орёт. Так на рёв изошёл — хоть водой обдавай.

У правления уже кое-кто собрался, а кто-то "возами" ещё тянулся: сам идёт, да за ним жена, да дети, да старики плетутся…. И уж всю дорогу перегородили. Гомон: и рёв, и балагуры, и гармонь. Бабы — все в слезах. Старики тоже нет-нет да смахивают. А ревущий Макарка всю ребятню обзаразил: такой рёв подняли! Эпидемия, да и только!

Вышел председатель, в окно патефон выставили. Музыка, напутствия-речи, кумачи… Ждали, что машина придёт, но позвонили, сказали: до Юрьева Лога сами идите, там всех подхватят. И вот построились колонной по два в ряд и строевым шагом под "Прощание славянки" прошли мимо сельсовета, крыльцо которого деревенской трибуной служило. А на ступеньке крыльца пристроилась Пелагейка блаженная и всех крестит, всех крестным знамением осеняет. Её и не гонит никто. И вот кумачи, кресты, песни, плач — всё вместе. Председатель свой Георгиевский крест нацепил, чего не делал никогда, одну руку к козырьку приложил, другой и сам слезу то и дело смахивал. И в речи своей, которую едва договорил — всё ком в горле стоял — сказал: наше дело правое, победа будет за нами, а когда вернётесь героями домой, мы будем встречать вас цветами, флагами, хорошими показателями по труду, и вы, победители, пройдёте парадным строем.

Восемь вернулось из двадцати трёх ушедших добровольцами: не стали и повесток дожидаться, пошли, ну а потом кому-то из этих добровольных и повестки пришли, а кто-то, не пойди он сам, так бы дома до конца войны и остался. А председатель не дожил до парада-то — от сердца умер. Раз домой и к ночи не пришёл, жена отправилась за ним: ну, до ночи работать — оно понятно. Но уж скоро светать начнёт, а он где? Ведь чуть свет — опять на работу. Он в правлении за столом сидит, голову на руки уронил. Подумала — спит. А он уж — вечным сном.

Письма от Якима — самое дорогое, что у Анны в доме хранится. Не любитель был писать, но семь "треугольничков" пришло. А потом — и похоронка. Конечно, не верила. Конечно, думала — ошибка. Сколько вон, по ошибке, недобрых вестей по домам шло! Но после войны приехал его однополчанин — в городе соседнем жил. И сдружились-то с Якимом, потому как земляки. Рассказал: погиб геройски — в атаку шли. И рассказывал когда, всё будто стыдился, что сам жив, всю войну прошёл, а Яким погиб, троих деток оставил. Знал Яким, что третий родился. Успел узнать. Даже сто грамм выдали, когда письмо получил. Гадал всё: на кого похож?